

Суровцева Екатерина Владимировна

ПИСЬМО-ИНВЕКТИВА КАК ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ "ПИСЬМА ЦАРЮ"

В статье на материале русской литературы XIX-XX веков предлагается выделить особый эпистолярный жанр - жанр "письма властителю", представленный двумя инвариантами - "письмом царю" и "письмом вождю", даётся определение такой разновидности жанра, как письмо-инвектива. Далее нами проводится анализ конкретного материала - писем-инвектив царю М. Цебриковой и В. Короленко. В заключении делаются предварительные выводы относительно функционирования данной жанровой разновидности в истории русской литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 173-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Бавуу-Сюрюн М. В. Влияние русского языка на образование современных тувинских фамилий и имён // Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сб. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. Вып. 3. С. 204-205.
2. Бичелдей К. А. Тыва дыл болгаш өске дылдар (Тувинский язык и другие языки) // Тыва дыл болгаш чугаа культуразы (Тувинский язык и культура речи). Кызыл: ТИГИ, 1993. С. 62-75.
3. Сувандии Н. Д. Тувинская антропонимия. Кызыл: РИО ТувГУ, 2011. 207 с.
4. Сундуй Р. Д. Адың-шолаң чажыттары (Тайны имени, отчества твоего) // Башкы. 1996. № 6, 7. С. 95-99.
5. Хигир Б. Ю. Тайна отчества мужчины. М.: Армада, 1995. 446 с.
6. Чадамба З. Б. Способы образования тувинских личных имен // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл: Новости Тувы, 1993. С. 98-105.
7. Чадамба З. Б. Тувинские имена // Справочник личных имен народов РСФСР. М.: Русский язык, 1965. С. 174-177.
8. Чадамба З. Б. Тыва аттарның допчу даңзызы // Тыва дылдың орфографтыг словары. Кызыл: ТывНЧ, 1967. С. 405-421.

THE FORMATION OF SURNAMES AND PATRONYMIC NAMES IN THE TUVINIAN LANGUAGE

Suvandii Nadezhda Daryevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tuvan State University
suvandiin@mail.ru

The article examines the questions of the formation of surnames and patronymic names in the Tuvian anthroponomical system, which has become the object of scientific studies from the end of the XX century. In the middle of the last century the surnames and patronymic names appeared on the Russian pattern in connection with the passport system among the Tuvians that testifies that the Tuvian language formed and is developing on the pattern of the Russian language. The study of onomastics of the Tuvian language, including surnames and patronymic names, reveals not only linguistic facts but also the history, customs and traditions of the people. In the paper the author considers the issues of the formation of the Tuvian families and patronymic names, which have been functioning up to now.

Key words and phrases: the Tuvian language; surnames and patronymic names; passport system; clan-tribal group; the Tuvian anthroponomy; ethnicons; traditions and customs.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье на материале русской литературы XIX-XX веков предлагается выделить особый эпистолярный жанр – жанр «письма властителю», представленный двумя инвариантами – «письмом царю» и «письмом вождю», даётся определение такой разновидности жанра, как письмо-инвектива. Далее нами проводится анализ конкретного материала – писем-инвектив царю М. Цебриковой и В. Короленко. В заключении делаются предварительные выводы относительно функционирования данной жанровой разновидности в истории русской литературы.

Ключевые слова и фразы: эпистолярная литература; «письмо властителю»; «письмо царю»; «письмо вождю»; письмо-инвектива; русская литература; цензура; литература и власть.

Суровцева Екатерина Владимировна, к. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
surovceva-ekaterina@yandex.ru

ПИСЬМО-ИНВЕКТИВА КАК ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ «ПИСЬМА ЦАРЮ»[©]

Данная работа является продолжением нашего исследования обращений русских писателей власть держащим и во властные структуры с письмами. Мы полагаем, что подобные тексты образуют особый эпистолярный жанр, который обладает рядом отличительных черт и разделяется на несколько разновидностей. Для обозначения жанра письма во власть, написанного в царскую эпоху, мы используем термин «письмо царю», для обозначения жанра письма, написанного в советскую эпоху – термин «письмо вождю». Обозначенные нами явления являются инвариантами единого жанра «письма властителю». Тип писем, который мы условно назвали письмом-инвективой, содержит обвинения и вызов властям или более сдержанную, но решительную критику существенных сторон деятельности властных органов и лиц. Позиция авторов таких писем – инакомыслие или разрыв некогда тесных связей.

В настоящей статье мы ставим себе целью проанализировать письма-инвективы царю.

Первое из них принадлежит перу Марии Константиновны Цебриковой, вошедшей в русскую культуру как критик, публицист, прозаик, переводчик (краткую биографию см., напр., в [2]). Написанное в 1889 г. обличительное «Письмо к императору Александру III» [4, с. 7-31] писательница считала своим главным произведением.

Публицистка в своём письме называет целый ряд больных вопросов современности. Неоднократно обличает она чиновничество, мешающее нормальному функционированию государства: «Русские императоры

обречены видеть и слышать лишь то, что видеть и слышать их допустит чиновничество, стоящее стеной между ними и русским земством, то есть миллионами, не числящимися на государственной службе» [Там же, с. 7]. О восприятии царя и монархии Цебрикова пишет: «...любовь к царю... ослабела... Масса народа верит ещё, что зло не от царя, а от чиновничества. <...> “Царь обманут, если бы он знал!” – говорит народ. <...> Эта роль вечно обманутого подрывает обаяние царя. Не на то он был помазан, чтобы быть вечно обманутым, каким же отцом народу будет он?» [Там же, с. 24]. Думается, Цебрикова воспринимает чиновничество как главный тормоз для нормального развития страны.

В качестве одного из коренных недостатков современности Цебрикова называет отсутствие гласности. Обличает Цебрикова новое земское начальство, описывает систему доносительства – и в судах, и в гимназиях, крайне негативно отзываясь о системе образования (гимназическом и университетском). В распространении революционных идей Цебрикова винит саму государственную систему: «Вся система гонит в стан недовольных, в пропаганду революции даже тех, кому противны кровь и насилие» [Там же, с. 28]. В письме содержатся также пассажи против преследования сектантов и против духовенства. К темам анализируемого текста относятся также переселение народа, система финансирования, оппозиционность лучших умов страны, николаевская эпоха, которая характеризуется весьма отрицательно, как мрачная.

Цебрикова полагает, что «...правительство, прибегающее к безнравственным средствам, само роет себе пропасть» [Там же, с. 12]. Она утверждает: «Вы самодержный царь, ограниченный законами, которые сами издаёте и отменяете, ограниченный ещё более не исполняющим законы эти чиновничеством, которое Вы сами назначаете» [Там же, с. 31]. Таким образом, зло творит чиновничество – именно так думает и народ, на мнение которого публицистка ссылалась ранее, и сама публицистка, однако, по мысли Марии Константиновны, и монарх несёт ответственность за это зло. В конце письма Цебрикова формулирует «рецепт» изменения ситуации: «Свобода слова, неприкосновенность личности, свобода собраний, полная гласность суда, образование, широко открытое для всех способностей, отмена административного произвола, созвание земского собора, к которому все сословия призвали бы своих выборных» [Там же].

Письмо Цебриковой было негативно воспринято представителями, так называемой, революционной демократии (Г. Плехановым, В. Засулич, С. Венгеровым). Публицистку упрекали в излишней умеренности, в излишне высокой оценке личности царя. При этом советская историография, напротив, указав на ряд спорных утверждений, содержащихся в письме, высказала предположение, что и этот текст сыграл свою роль в свержении существующего тогда режима.

Ещё одно письмо-инвектива принадлежит В. Г. Короленко. Это «Открытое письмо статскому советнику Филонову» [1, с. 361-372].

История письма Филонову подробно описана в биографической книге, посвящённой Короленко [3, с. 293-300] и содержащей отдельную главку под названием «Великая трагедия Великих Сорочинцев». После манифеста 17 октября 1905 года в Сорочинцах 19 октября того же года произошли волнения, из Миргорода на усмирение были присланы казаки под командованием офицеров. Во главе стоял помощник исправника Барабаш, убитый протестующими в результате стычки. В тот же день на усмирение волнений князем Урусовым был прислан старший советник губернского правления Филонов с отрядом донцов и терцев. К вечеру зачинщики сидели в холодной, казаки грабили имущество крестьян, избивали всех, кто попадал им под руку. Филонов сам принимал участие в избиениях. В последующие дни истязания происходили в соседних сёлах – Устивице и Кривой Руде.

В своём «Открытом письме статскому советнику Филонову» Короленко с горечью замечает: «Жители Сорочинцев, очевидно, полагали, что манифест 17 октября дал им право собраний и слова. Да оно, пожалуй, так и было: манифест действительно дал эти права и прибавил к этому <...> Они не знали только, что, наряду с новыми началами, оставлены старые “временные правила” и “усиленные охраны”, которые во всякую данную минуту представляют администрации возможность опутать новые права русского народа целою сетью разрешений и запрещений...» [1, с. 362]. Далее писатель изложил такие факты, как арест Безвиконного, одного из сорочинских жителей; приезд Барабаша, который согласился ходатайствовать за Безвиконного, но после рокового столкновения был смертельно ранен, и кроме него – было смертельно ранено и убито двадцать человек; того, что «[к]азаки не удовлетворялись рассеянием толпы и освобождением пристава. Они кинулись за убегающими, догоняли и убивали их» [Там же, с. 363-364]. Короленко описывает бесчинства статского советника – как Филонов собрал сход, поставил всех на колени, в том числе двух георгиевских кавалеров, вымогая имена «зачинщиков» «бунта»; лично участвовал в избиении собравшихся. Цели письма в статье «Сорочинская трагедия» Короленко называет следующие: оглашение правды, суда над Филоновым, попытка остановить волну жестокости.

Письмо появилось в № 8 «Полтавщины» 12 января 1906 года и на следующий день было выпущено на отдельном листке в качестве приложения к газете. «Полтавщину» приостановили. При этом, когда 17 января того же года Филонов появился в Полтаве, разнёсся слух, что губернатор потребовал от него официального опровержения. Однако утром следующего дня Филонов был убит. Сразу же после убийства из истязателя Филонов превращался в жертву, а писатель Короленко из обвинителя становился подстрекателем. В день похорон Филонова (20 января 1906 года) в «Полтавском вестнике» появилось «Посмертное письмо статского советника Филонова писателю Короленко» – разоблачённый писателем подлог, составленный филоновским окружением. Короленко пришлось ухать на время из Полтавы, куда он возвратился в начале апреля. И сразу же по приезде он был привлечён вместе с редактором «Полтавщины» Ярошевичем к судебной ответственности за «Открытое письмо» (их обвинили в оглашении ложных сведений о действиях должностных лиц и войск). Следствие тянулось более полугода и только в ноябре 1906 г. было направлено к прекращению ввиду полной невозможности опровергнуть факты «Открытого письма». В статье «Сорочинская трагедия» Короленко привёл текст «Открытого

письма», снабдив его подстрочными примечаниями, изложил все обстоятельства создания письма, убийства Филонова, появления «Посмертного письма...» и опубликовал её весной 1907 г. [Там же, с. 345-391]. Летом того же года статья в переработанном и дополненном виде вышла отдельной книгой.

На наш взгляд, интересно то, анализируемое в данной статье, письмо Короленко – единственный пример письма-инвективы, созданный писателем при царском режиме – при том самом режиме, при котором Владимир Галактионович заслуженно считался неблагонадёжным и против которого неоднократно выступал в своих публицистических произведениях. Одновременно при новой, большевистской, власти, при которой писатель прожил совсем мало, его перу принадлежит 34 письма-инвективы Х. Г. Раковскому и 6 писем-инвектив А. В. Луначарскому. Думается, что этот факт необходимо учесть при изучении отношения Короленко к старой власти, против которой он боролся, и новой власти, при которой он тоже остался еретиком (отметим, что в своих письмах Раковскому и Луначарскому Владимир Галактионович неоднократно сопоставлял эти две власти – и не в пользу последней).

Таким образом, в жанре «письма царю» было создано два инвективных текста двумя авторами. «Расцвет» писем-инвектив пришёлся на XX век. Видимо, причина этого в том, что Царь воспринимался как помазанник Божий, и независимо от политических пристрастий и отношения к личности конкретного правителя писателей, обращавшихся с письмами царям, к властям писали чаще в жанре писем-деклараций с изложением несогласия в каких-то вопросах, с разъяснением своей позиции, но это другая жанровая разновидность «письма властителю», имеющая совсем иную тональность.

Список литературы

1. **Короленко В. Г.** Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Правда, 1953. Т. 5. 449 с.
2. **Меламед Е. И.** Цебрикова Мария Константиновна // Русские писатели. Библиографический словарь: в 2-х т. / под ред. П. А. Николаева. Изд-е 2-е. М.: Просвещение, 1990. Т. 2.
3. **Мионов Г.** Короленко. М., 1962. 387 с. (Сер. Жизнь замечательных людей.)
4. **Цебрикова М. К.** Письмо к Александру III. С приложением написанных для настоящего издания воспоминаний автора. СПб.: «Центральная» Типо-литография М. Я. Минкова, 1906. 48 с.

A LETTER-INVECTIVE AS A GENRE VARIETY OF “A LETTER TO THE TSAR”

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
surovtseva-ekaterina@yandex.ru

By the material of the Russian literature of the XIX-XX centuries the article suggests emphasizing a special epistolary genre – the genre of “a letter to a ruler”, represented by two invariants – “a letter to a tsar” and “a letter to a leader”, the definition of such subvariety of a genre as a letter-invective is given. Then the analysis of a concrete material – letters-invectives to the tsar by M. Tsebrikova and V. Korolenko, is conducted. As a result preliminary conclusions concerning the functioning of this genre subvariety in the history of the Russian literature are made.

Key words and phrases: epistolary literature; “a letter to a ruler”; “a letter to a tsar”; “a letter to a leader”; a letter-invective; Russian literature; censorship; literature and power.

УДК 882

Филологические науки

Статья посвящена одному из нереализованных художественных замыслов Ф. М. Достоевского «Мечтатель». В статье раскрывается содержание понятий «незавершенность», «творческий потенциал». Основное внимание автор статьи концентрирует на реконструкции незаконченного романа Ф. М. Достоевского «Мечтатель», отмечает возможные причины незаконченности текста, опираясь на лакуны замысла, намечает возможные пути его развития.

Ключевые слова и фразы: лакуны текста; незаконченные произведения; тексты открытой структуры; незаконченность; незавершенность; мечтательство; герой-мечтатель.

Трофимова Анастасия Владимировна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
nastya-samara@list.ru

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕЗАКОНЧЕННОГО РОМАННОГО ЗАМЫСЛА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «МЕЧТАТЕЛЬ»[©]

Цель данной статьи – попытаться реконструировать незаконченный замысел Ф. М. Достоевского «Мечтатель», оставленный им в 1876 году.